

Л.Т. Рыскельдиева

ОСОЗНАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ И НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ

Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры истории и теории государства и права. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

Неангажированная метафизика сознания позволяет утверждать, что сознание – не предмет, а фундаментальная проблема современной философии, для решения которой история европейской философии имеет значение. Для Декарта сознание есть *Cogito*, персонализация субстанции умом, действующим в многообразии когитальных, осознаваемых актов. Для Канта субстанция есть способ мыслить единство опыта, *cogito* есть не вещь, а трансцендентальное условие образования понятий в процессе категориального синтеза. Возрождающаяся феноменология и аналитическая философия сознания в XXI в. нацелены на изучение сознания соответственно в трансцендентально-теоретической и прагматически-натуралистической установках. Продолжая кантовскую линию рассуждений, можно видеть процессуальность сознания в актах осознания как усвоения или получения *data* (автор статьи обращает внимание на то, что термин «осознание» трудно адекватно перевести на английский язык). Для полноты проблематики философии сознания необходимо учитывать еще один вид сознательной деятельности – осмысление. В статье отмечается, что русский термин «осмысление» не имеет точного аналога в английском языке в качестве основного языка аналитической философии сознания, сама же деятельность осмысления рассматривается автором как противоположно направленная по отношению к осознанию, что делает неизбежным обращение к идее Целостности (А.В. Смирнов) и может изменить подход к возможности создания «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: сознание, смысл, значение, *Cogito*, Я

Для цитирования: Рыскельдиева Л.Т. Осознание, осмысление и непереводаемость // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 18–25.

Я исхожу из уже выдвинутого А.В. Смирновым тезиса о том, что логико-смысловый подход необходимо выводит нас к самому началу философии – к проблеме сознания, а также к самым истокам этой проблемы. Другими словами, эта проблема для философии *первоначальна*. Я собираюсь показать:

- (1) как я понимаю эту первоначальность,
- (2) как проблема сознания связана с проблемой смысла,

- (3) какие трудности проблема смысла инициирует в сферу с условным названием «искусственный интеллект» (ИИ).

Начну с вопроса о том, имею ли я право рассуждать об этой проблеме и кто может иметь сомнения в ценности моих рассуждений. Полагаю, что возразить может, прежде всего, представитель аналитической философии сознания, имеющий теоретическую связь с эмпирическими исследованиями и способный квалифицированно оперировать данными нейронауки, когнитивистики, психологии, лингвистики и других наук, нацеленных на исследование сознания. Эта англоязычная по абсолютному преимуществу философия (Philosophy of Mind) похвально близка к науке вообще, и поэтому философы-аналитики способны показать, в чем специфика философского исследования сознания и зачем в исследовании сознания нужна именно философия: она способна соединять подходы разных наук и задавать вопросы, искать и формулировать проблемы, стимулировать новые направления исследований. Практическая цель очевидна – такая философия тесно связана с разработками в области ИИ, где малейшая толика творчества быстро форматируется, превращается в креативность и мгновенно находит свое техническое воплощение, получая фондовую поддержку.

Кроме того, обоснованные возражения выскажет любой практикующий методически проверенную традиционную технику работы с сознанием – т.е. йогин и прежде всего буддийского толка. Основания для его возражений будут не менее валидными, чем у аналитических философов, так как он тоже имеет дело с прочным эмпирическим фундаментом: если европейская наука и техника нацелены на изучение и преобразование внешнего мира, то йогическая наука и техника нацелены на изучение и преобразование мира внутреннего (мысль об удивительной симметрии индийской йоги и европейской науки высказана Д. Зильберманом¹). Практическая цель такой науки и техники сейчас тоже очевидна, так как потребность современного человека в качестве индивида в умении самостоятельно изучать, анализировать и трансформировать свою психику возрастает пропорционально нарастанию массовидности его коммуникации.

Однако полагаю, эти возражения будут ангажированными. Аналитическая философия сознания, сохраняя, по мнению исследователей, в целом натуралистическую установку², ангажирована экспериментальными данными, целями и задачами европейской науки и в конечном счете техникой. Любые медитативные йогические практики ангажированы и ограничены традицией – в широком смысле особыми идейными установками и набором приемов, передаваемых по учительской линии. Тогда каким может быть незаинтересованное исследование сознания?

Оно может быть только метафизикой сознания, в области которой профессиональных запретов нет, а требование одно – быть «в своем уме» и иметь возможность заниматься кабинетной философией, о ценности которой для исследования сознания убедительно сказано В.В. Васильевым³.

Метафизический вопрос здесь будет таким: что есть сознание? Как историк философии могу ответить, что сознание – это не «что», не предмет

¹ Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М., 1998.

² Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 5–19.

³ Васильев В.В. Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 53–59.

и не вещь, а фундаментальная проблема европейской философии, и история этой проблемы способна помочь ее решению. А именно. Европейская философия всегда была внимательна к сознанию, и движущей силой, энергией переворотов и революционных изменений в западной философской культуре можно считать сдвиги именно в метафизике сознания. Особенности современного варианта этой метафизики определили два основных моих тезиса:

1. Сознание сейчас надо рассматривать в действенном/деятельностном контексте. Это неизбежно на фоне нынешнего поворота философии к практике или прагматике.
2. Деятельность сознания в качестве *осознания* надо сопоставлять с деятельностью смысла, т.е. с *осмыслением*. А это неизбежно на фоне нашего внимания к языку. Раскрою эти тезисы.

Если Античности ни термин, ни проблема сознания неведомы, то для европейской философии эта проблема вполне традиционна: новоевропейская метафизика берет начало в Декартовом «Я мыслю» как основании утверждать реальность мира. Термин *conscientia* Картезий употребляет на удивление редко, в среднем один-два раза в одном сочинении, но при этом основным и ставшим специфически картезианским термином является знаменитое *Cogito* и его производные, имеющие значения, связанные с «мыслить» – когитальный, когитации и проч. Как эти значения связаны с *conscientia*?

Перечисляя так называемые «когитальные акты» – акты интеллекта, воли, воображения и чувства, – Декарт говорит о том, что они могут быть либо пассивными – восприятиями, либо активными – сознанием: «...*adeoque actus cogitativi, ut intelligere, velle, imaginari, sentire, omnes sub ratione communi cogitationis, sive perceptionis sive conscientiae conveniunt, atque substantiam, cui insunt, dicimus esse rem Cogitantem*» – пишет Декарт в «Размышлениях о первой философии. Возражение VII»⁴. Здесь – картезианское объединение когитальных актов интеллекта, воли, воображения и чувства (*intelligere, velle, imaginary, sentire*) в субстанциальном подчинении мышлению (*Res Cogitans*): «будь то восприятие или сознание». Кто их осуществляет?

Если мы так поставим вопрос, то разрушим контекст, созданный Декартом-ученым, который предается изучению своего внутреннего мира, который, в свою очередь, дан ему в очевидности, непосредственно во внутреннем опыте как опыте Я. Единство этого опыта не подлежит сомнению – Я мыслящий существую на самом деле, это фундаментальная презумпция картезианства, и она состоит в том, что активная деятельность Я, доступная мне для изучения, и есть деятельность сознания, т.е. *Cogito*.

Такому субстанциалистскому картезианскому оптимизму в отношении существования активного мыслящего Я нанес смертельный удар трансцендентализм И. Канта, в рамках которого *Cogito* перестало существовать и, на самом деле, как вещь, и даже как явление. Если для Декарта Я – мост между мышлением и протяжением, когда «я мыслящий» и «я протяженный» есть единство, то со времен Канта *Cogito* стало трансцендентальным условием

⁴ *Descartes R. Meditationes de prima philosophia. Amstelodami, 1670. Appendix. P. 112.* Рус. пер.: «...таким образом, мыслительные акты – такие как умопостижение, желание, воображение, чувство, – все подпадают под общую категорию мышления, или восприятия, или сознания; субстанцию же, коей они присущи, мы именуем мыслящей вещью» (Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 374).

осуществления категориального синтеза, обеспечивающим переход от чувственности/созерцаний к рассудку/понятиям, или трансцендентальным единством апперцепций – такой добавкой ко всему, что происходит в моем внутреннем мире, в уме (*in mente*), благодаря которой он един и целостен, а я – «в своем уме» и все, что я в нем обнаруживаю, гарантируется мне с очевидностью именно «моего» мира.

В начале XX в. Гуссерль в своей трансцендентальной феноменологии сделал удивительную и смелую попытку реконструкции именно декартовского *Cogito*, но уже в посткантианских условиях. В этом ему помогла экспансия новорожденной для XX в. науки психологии и необходимость противостоять этой экспансии на пути «выпаривания» чистых Ego-структур из серий актов сознания: получения *сущностей из процессов*, усмотрения *вещей из действий*. Феноменологическая реконструкция трансцендентального Ego оказалась увлекательной и плодотворной, но закончилась так называемым поздним Гуссерлем, а надежды на возрождение трансцендентализма начали оживать только в наши дни.

Сегодня особый стимул для исследования когитальных процессов дает пресловутый проект создания «сильного» ИИ – компьютера, способного осуществлять все, что происходит в человеческом уме. «Мыслить-как-человек» – значит иметь не только центр принятия *решений*, но и постановки *проблем*, не только выполнять команды, но и самообучаться, не только обрабатывать данные, но и осознавать их, мыслить «от первого лица». У аналитической философии, работающей в этой области, большой проблемный потенциал, но, несмотря ни на что, она сохраняет начальную картезианскую установку и понимает сознание как существенную добавку к мышлению или существенное усложнение программы до появления чего-то, чего еще не было. О какой добавке идет речь?

Осознание – это деятельность присвоения

Она обнаруживается непосредственно в процессе человеческого мышления, а в языке – глагольными образованиями. В русском языке есть глагол «осознавать» – от «сознание», и по-английски его значение нельзя прямо передать глаголом, образованным от *conscious* (возможно, *to aware*, но здесь другая этимология). Каково значение этого глагола?

Мы говорим «мне надо это осознать», когда получаем новые данные, когда надо впустить в себя результат какого-то опыта или, как сейчас принято говорить, информацию и сделать ее своей, т.е. придать значение. I, My, Me, Mine – этот ряд местоимений служит для обозначения результатов такого присвоения, превращения «информации» или *data* в «знание». Универсальность такого присвоения, как «делание моим», европейская философия распространяет и на то, что, казалось бы, не может быть моим – на Другого, его давно и «по умолчанию» принято воспринимать как *Alter Ego*: это либо обратная сторона меня, либо еще один такой же, как я. В любом случае Ego-Я – это основа и восприятия, и понимания Другого – другого меня! Очевидно, что при таком взгляде по-настоящему другой Другой никогда не может быть постигнут, и именно этот вполне понятный и простой процесс присвоения составляет основу европейского психологического эгоизма (*egotism*) и социокультурного индивидуализма.

Осознанию противостоит осмысление. Непереводаемость

Таким образом, осознание как освоение есть человеческий способ мышления, разумная деятельность *Homo sapiens*. Но что делаю я, в данный момент рассуждающий об этой деятельности? Как осознать сознание?

Мы можем назвать эту деятельность рефлексией, тем, что принято называть мышлением о мышлении или метафизикой. Чем она может быть вызвана? Аристотель бы сказал, что ничем, так как чистая *θεωρία* должна быть результатом «незаинтересованного» и автономного созерцания сущности. Пусть так, но какого рода данные при этом осознаются и получаем ли мы вообще информацию при таком не предметном мышлении? Очевидно, что нет. Тогда что при этом делает наш ум?

Наряду с глаголом «осознавать» в русском языке есть еще один глагол, тут уже совершенно не переводимый на англо-программистский язык, это глагол, образованный от существительного *mysl*, – «осмыслять». Слово «смысл» родом из хорошо известной европейской философии пары «meaning – sense», и анализ взаимоотношений в этой паре составляет особый сюжет в развитии современной европейской философии.

Подход к смыслу со стороны аналитической философии со времени Г. Фреге имеет номиналистические корни и делает упор на работу со значениями, с предметной сферой, а работу со смыслом понимает как работу с соотношением предмета и мысли о нем. Не чужда этой философии и прагматическая постановка вопроса в духе «making the Sense» – она говорит о формировании умения конструировать целое из частей, о вполне конвенциональной процедуре приобретения навыка соотносить целое и его части и так совершенствовать мастерство/компетенцию понимать текст.

Герменевтическая философия растворила смысл в языке, сделав из языка стихию, заменила языком традиционное для философии Бытие, а вся культура, философская в том числе, при этом превратилась в текст. Результатом стала сильная филологизация философии и тезис о том, что философию можно редуцировать к литературоведению.

Однако если уходить от сложившихся дихотомий и искать *другую философию*, стараться сохранить специфику именно философской рефлексии, устранять саму возможность редукционизма, надо выделить две основные особенности работы нашего ума со смыслом.

Во-первых, смысл всегда указывает на границу, предел того, о чем идет речь, или того, о чем мы мыслим, в этом отношении он всегда маргинален – имеется в виду предел не только языковых выражений и текста, но и жизни, культуры, мира. В этом отношении тезис о том, что *осмысление есть соотношение с целостностью*, вполне понятен. Понятно и то, что в процессе осмысления не происходит освоение-усвоение (апроприация), здесь главное – удержаться на краю и продолжать мыслить. Мыслящий в таких условиях – не лирический герой в стиле «*Fool on the Hill*» McCartney и не аффективная личность в транс, а именно мыслитель, в силу призвания продолжающий мыслить и там, где обычному человеку это уже не под силу. Именно поэтому М.К. Мамардашвили называл философское мышление «сумасшествванием с толком», а философа «шпионом неизвестной родины», имея в виду его способность быть чужим среди своих, быть и не быть в своем мире одновременно.

Потому что, во-вторых, такое «мышление на краю» показывает предположения и предрассудки моих суждений, их культурные основания, показывает мне в моем мышлении, что помыслено именно мной и никем другим, а что мной усвоено из мира и культуры, т.е. от Другого, из глубоких недр ККБ – «коллективного когнитивного бессознательного» (А.В. Смирнов). В условиях постоянного ускользания сознания от схватывания это весьма трудное мероприятие, которое А.М. Пятигорский называл «борьбой с сознанием», он говорил, что «это безумно трудно, но возможно». Субъект, осуществляющий такую борьбу, тоже находится, так сказать, на краю.

Русскому термину «осмысление» крайне сложно найти подходящий эквивалент в европейских языках, так как «осмысление» – не просто наделение значением, не только его соотнесение с культурой и ценностями и участие в коммуникации, не только целеполагание. «Мне надо это осмыслить», – мы говорим в сложной ситуации, когда что-то не укладывается в картину мира, когда надо сделать, выражаясь по-русски, смысложизненный, важный выбор, принять морально значимое, серьезное решение. Такое осмысление есть соотнесение со смыслом как с уже знакомой нам Целостностью. Это действие может вовсе не иметь Его-эффекта, а иметь обратный эффект в виде метанойи, перемены ума, всего хода мысли: Я может осознать, что что-то, что Я считал моим, вовсе мне не принадлежит, что не все в мире мое и что есть сила или инстанция выше меня, а у мира есть и вертикальное измерение. Другими словами, осмыслить в данном случае – не значит что-то узнать, приобрести или освоить.

Если *осознание* как определение «этого» в качестве «моего» можно назвать аналитической процедурой, то *осмысление* как соотнесение всего моего с целостностью – процедура герменевтическая. Если верить данным нейрокультурологии, то аналитический характер восприятия ситуации свойственен в большей степени европейцам, а холистическое восприятие – азиатам⁵. Тогда понятна преграда на пути создания «сильного» ИИ, ведь весь проект ИИ фундирован в европейской аналитической установке. А это значит, что трудности перевода слова «смысл» и само наличие непереводаемостей имеют большое значение.

Первое. Непереводаемость русского «смысла» – это большой «взнос» в копилку доводов *против* ориентализма и оксидентализма и *за* фундаментальный принцип открытости герменевтики культуры, в пользу смирновского принципа «*то же иначе*», требующего открытости по отношению к инаковости Другого, а не просто к Alter Ego. Парадоксально, но именно непереводаемости дают позитивный эффект и способствуют взаимопониманию людей разных культур и логик смыслообразования.

Второе. Трудности перевода, в данном случае на английский как язык проблем ИИ, помогают глубже понять эти проблемы. Я, например, действительно, не понимаю, как возможно программирование, кодирование процесса осмысления, т.е. соотнесения с целостностью (*Smysl*)? Значит ли это, что программированию не подлежит только «русский разум»? Очевидно, что нет. Если каждая культура с развитой рефлексией и саморефлексией способна найти в своем языке целый ряд «непереводаемостей», то что делать с этими непереводаемостями, когда и если программирование дойдет до этих проблем?

⁵ Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культурспецифичных типов познания (окончание) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 3. С. 18–35.

Список литературы

- Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Комплементарность культурспецифичных типов познания (окончание) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2010. № 3. С. 18–35.
- Васильев В.В. Послесловие к панельной дискуссии о кабинетной философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 53–59.
- Гаспаров И.Г., Левин С.М. Современная аналитическая философия сознания // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 44. № 2. С. 5–19.
- Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Сост. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.
- Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 447 с.
- Descartes R. Meditationes de prima philosophia. Amstelodami: Apud Danielem Elzevirium, 1670.

Consciousness, *smysl* and untranslatability

Lora T. Ryskeldiyeva

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: ryskeldieva@gmail.com

An unbiased metaphysics of consciousness allows us to put forward a thesis that consciousness is not an object, but a fundamental problem of modern philosophy and different solutions of this problem define the history of European philosophy. For Descartes, consciousness is *Cogito*, the personalization of substance by the mind acting in a variety of *cogital*, conscious acts. Kant, for whom substance is a mode of thinking the unity of experience, *Cogito* is not a thing (*Res*), but a transcendental condition for the formation of notions in the process of categorical synthesis. The resurgent phenomenology and analytical philosophy of consciousness in the 21st century aim at studying consciousness, respectively, in the transcendental-theoretical and pragmatic-naturalistic settings. Continuing the Kantian line of thinking, one can see the processuality of consciousness as *data acquisition process*, but the verb formed from a noun “consciousness” (for this processuality) is difficult to adequately translate into English. To achieve completeness in identifying the problem area of the philosophy of consciousness, it is necessary to take into account one more type of conscious activity referred to as “*osoznanie*” in Russian (“awareness”, “coming into consciousness about something”). The Russian verb formed from the noun *Smysl* cannot be adequately translated into English as the main language of the analytical philosophy of consciousness and this term can mean the opposite of *data acquisition process* and can refer us to the idea of Integrity (A.V. Smirnov). Once the most important, meaningful and existential activity of the mind is identified as the denotation of this term, the problem of *Smysl* acquires the potential of changing the perspective on the possibility of creating a “strong” AI.

Keywords: Consciousness, Ego, Cogito, meaning, sense

For citation: Ryskeldiyeva, L.T. “Osoznanie, osmyslenie i neperevodimost” [Consciousness, *smysl* and untranslatability], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 18–25. (In Russian)

References

- Aleksandrov, Yu.I. & Aleksandrova, N.L. “Komplementarnost’ kul’turspetsifichnykh tipov poznaniya (okonchanie)” [Complementarity of culture-specific types of cognition (the end)], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 14: Psikhologiya*, 2010, No. 3, pp. 18–35. (In Russian)
- Descartes, R. *Meditationes de prima philosophia*. Amstelodami: Apud Danielelem Elzevirium, 1670.
- Descartes, R. *Sochineniya* [Collected works], Vol. 2, ed. by V.V. Sokolov. Moscow: Mysl’ Publ., 633 pp. (In Russian)
- Gasparov, I.G. & Levin, S.M. “Sovremennaya analiticheskaya filosofiya soznaniya” [Contemporary analytic Philosophy of Mind: Challenges and Solutions], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, Vol. 44, No. 2, pp. 5–19. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. “Posleslovie k panel’noi diskussii o kabinetnoi filosofii” [Afterword to the panel Discussion on Armchair Philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2019, Vol. 56, No. 2, pp. 53–59. (In Russian)
- Zilberman, D.B. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [The Genesis of Meaning in the Philosophy of Hinduism]. Moscow: URSS Publ., 1998. 447 pp. (In Russian)